

УДК 94(470.40)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

**Мусульманская умма в религиозной политике
Советского государства в 1920-х – начале 1930-х гг.:
выбор стратегии**

О. А. Сухова¹, О. В. Ягов²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность предложенной к обсуждению темы обусловлена необходимостью научного осмысления цикличности постсекулярного общества и возрождения религиозного сознания в современном мире. Цель исследования заключается в изучении исторического опыта разработки стратегии государственно-конфессионального взаимодействия для обеспечения устойчивого развития и мобилизации ресурсов духовной сферы (на материалах Советской России / СССР в 1920-х – начале 1930-х гг.). *Материалы и методы.* Основу доказательной базы исследования составили документы, раскрывающие специфику государственной политики в отношении ислама и мусульманской уммы в 1920-х гг. и представленные в фондах Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Российской Федерации. Выбор методологического инструментария связан с теорией социального конструкционизма П. Бергмана и Т. Лукмана, рассматривающей процесс формирования и институционализации социальных феноменов посредством социальных же интеракций, а также новой культурной истории, акцентирующей проблемы формирования идентичности и социальных представлений. *Результаты.* Проанализированы результаты разработки истории мусульманской уммы в советский период в отечественной историографии, выявлены основные циклы эволюции государственно-конфессиональной политики в Советской России / СССР. Важнейшим аспектом проблемы стала реконструкция движения религиозной самоорганизации мусульманских общин в условиях крушения империи и становления сепарационной парадигмы религиозной политики. *Выводы.* На рубеже XIX–XX вв. мусульманская умма России, будучи вовлеченной в процессы либерализации и формирования гражданского общества, вступает в период активных поисков новых форм самоорганизации и самоопределения. Факторами модернизации выступили становление парламентаризма и крушение империи, а ресурсами – развитие просвещения, печати и формирование политических объединений. Захват власти большевиками радикально изменил характер сепарационной модели. Коммунистическое богоборчество («воинствующий атеизм») рассматривалось инструментом мобилизационной парадигмы, что обеспечило утверждение авторитарно-репрессивного характера отношений власти и церкви в СССР. Вместе с тем активное и пассивное массовое сопротивление мусульман (сохранение и деятельность незарегистрированных общин, религиозных школ, петиционное движение в защиту вероучения, проведение съездов мусульманского духовенства, соблюдение обрядов, сохранение традиций организации религиозной жизни) вынуждало власти идти на временные уступки и исподволь ограничивало административный нажим. Выбор стратегии государственно-конфессиональной политики, кризисно-циклический каркас которой сложился в 1920–1930-е гг., доказал свою историческую несостоятельность к концу XX в.

Ключевые слова: мусульманская умма, Всероссийские съезды мусульманского духовенства, политика большевиков по отношению к исламу, Объединенное государственное политическое управление, Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК

Для цитирования: Сухова О. А., Ягов О. В. Мусульманская умма в религиозной политике Советского государства в 1920-х – начале 1930-х гг.: выбор стратегии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 49–61. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

The Muslim Ummah in the religious policy of the Soviet State in the 1920s – early 1930s: choice of strategy

O.A. Sukhova¹, O.V. Yagov²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹savtemp@yandex.ru, ²yagovdom@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the topic proposed for discussion is due to the need for scientific understanding of the cyclicity of post-secular society and the revival of religious consciousness in the modern world. The purpose of the work is to study the historical experience of developing a strategy for state-confessional interaction to ensure sustainable development and mobilization of resources in the spiritual sphere (by the materials from Soviet Russia / the USSR in the 1920s – early 1930s). *Materials and methods.* The basis of the research evidence base was formed by documents revealing the specifics of state policy towards Islam and the Muslim Ummah in the 1920s and presented in the funds of the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of the Russian Federation. The choice of methodological tools is associated with the theory of social constructionism by P. Bergman and T. Luckmann, which considers the process of formation and institutionalization of social phenomena through social interactions, as well as new cultural history, emphasizing the problems of formation of identity and social representations. *Results.* The results of the development of the history of the Muslim Ummah in the Soviet period in domestic historiography are analyzed, the main cycles of the evolution of state-confessional policy in Soviet Russia / USSR are identified. The most important aspect of the problem was the reconstruction of the movement of religious self-organization of Muslim communities in the context of the collapse of the empire and the formation of the separation paradigm of religious policy. *Conclusions.* At the turn of the 19th and 20th centuries, the Muslim Ummah of Russia, being involved in the processes of liberalization and the formation of civil society, entered a period of active search for new forms of self-organization and self-determination. The factors of modernization were: the formation of parliamentarism and the collapse of the empire, and the resources were: the development of education, the press and the formation of political associations. The seizure of power by the Bolsheviks radically changed the nature of the separation model. Communist atheism (“militant atheism”) was considered an instrument of the mobilization paradigm, which ensured the establishment of the authoritarian-repressive nature of the relationship between the authorities and the Church in the USSR. At the same time, the active and passive mass resistance of Muslims (the preservation and activity of unregistered communities, religious schools, the petition movement in defense of doctrine, the holding of congresses of the Muslim clergy, the observance of rituals, the preservation of the traditions of the organization of religious life) forced the authorities to make temporary concessions and gradually limited administrative pressure. The choice of strategy for state-confessional policy, the crisis-cyclical framework of which was formed in the 1920s – 1930s, proved its historical inconsistency by the end of the 20th century.

Keywords: Muslim Ummah, All-Russian Congresses of Muslim Clergy, Bolshevik policy towards Islam, OGPU, Commission on Cult Affairs under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee

For citation: Sukhova O.A., Yagov O.V. The Muslim Ummah in the religious policy of the Soviet State in the 1920s – early 1930s: choice of strategy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(3):49–61. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-5

Рост исследовательского интереса к изучению ислама и исламского фактора в истории российской цивилизации, особенно в один из самых драматичных периодов – 1917–1991 гг., обусловлен необходимостью обеспечения этнокультурного плюрализма и толерантности как ключевых условий устойчивого развития. Вместе с тем предметное поле, теоретическая оснастка проблемы и даже формирование источниковой базы находятся еще в самом начале своего становления. В советский период данная проблематика относилась к разряду негативно политизированных тем, а следовательно, априори нежелательных для научного анализа, и первые исследования, посвященные социальным аспектам истории ислама, появились лишь в 1970-х – начале 1980-х гг. [1, 2]. Несмотря на обширный ретроспективный анализ вопросов становления и распространения ислама на территории СССР (преимущественно в Средней Азии), характеристику функций религии (иллюзорно-компенсаторной, интегративной, регулятивной, коммуникативной), политических практик секуляризации, в главу угла ставилась аргументация утверждения атеистического мировоззрения и описание успехов богоборческой политики в деле «разрушения ислама» [2, с. 59–260].

Современный этап исламской историографии формируется в 1990-х – начале 2000-х гг. на волне роста национального движения в субъектах Российской Федерации и утверждения методологического плюрализма. Были выполнены и первые диссертационные исследования [3–7]. На второе десятилетие XXI в. приходится этап становления истории ислама в региональном измерении. Так, на примере Среднего Поволжья практики, специфику, методы деятельности мусульманских религиозных общин и государственно-исламские отношения в России в 1940–1960-х гг. активно разрабатывает Л. А. Королева [8–9].

Актуальными аспектами истории ислама в России выступают: разработка исторического базиса концепции мусульманского модернизма и критика исламофобии, соотношение патриотизма и национализма в религиозном движении [10–13]. Так, на примере концепции И. Гаспринского (известного крымско-татарского просветителя, публициста и реформатора; 1851–1914) влияние джадидизма на формирование ценностей патриотизма и идентичности среди российских мусульман рассматривает А. В. Мартыненко [11]. А. В. Мартыненко и М. А. Кечина убедительно обосновали, что в советских средствах массовой информации последовательно формировался «искаженный, неадекватный и откровенно несправедливый образ» ислама как одной из идеологий «эксплуататорского класса», а исламофобия была частью антирелигиозной пропаганды [12, с. 115].

Придя к власти, большевики не могли игнорировать исламский фактор в деле «защиты революции» и интегративных процессов, несмотря на мас-

штабный рост влияния панисламизма и пантюркизма [11, с. 33] среди мусульман, численность которых в России к 1917 г. составляла, по некоторым данным, более 20 млн человек [14, с. 330]. В частности, в 1910 г. в Пензенской губернии действовало 138 мусульманских общин, объединявших порядка 80 тыс. человек, исповадовавших ислам. В регионе насчитывалось 89 школ (12 медресе и 77 мектебе) [15, с. 830].

Необходимо отметить, что движение религиозного самоопределения российских мусульман было организационно оформлено еще в эпоху Екатерины II, в русле реализации курса имперской политики веротерпимости. В декабре 1789 г. в Уфе состоялось открытие Духовного магометанского собрания, созданного в целях регулирования семейно-брачных, имущественных отношений и религиозного просвещения населения. Соответствующий указ императрица подписала 22 сентября 1788 г. [16]. В конце XIX в. на волне либерализации и становления гражданского общества в Российской империи усилиями выдающегося представителя исламской интеллигенции Исмаила Гаспринского формируется реформаторское движение, ориентированное на модернизацию мусульманской уммы и широкое развитие нравственности, просвещения и печати [11, с. 31]. Естественным итогом исламского возрождения становится развитие мусульманской периодики, насчитывавшей к 1906 г. до 60 изданий, и создание первой политической партии мусульман либерального толка – «Иттифак-эль-Муслимин» («Союз мусульман»), представленной депутатской группой в Государственной Думе России [17, с. 98].

Мощным фактором самоорганизации выступило крушение монархии и утверждение свободы вероисповедания: в конце марта 1917 г. в районах с компактным татарско-мусульманским населением возникают организации мусульманского духовенства, прежде всего на уровне губерний. 26 июля 1917 г. в ходе Всероссийского съезда улемов был создан Всероссийский союз, председателем которого стал Г. Апанаев [18].

Первоначально мусульманские организации приветствовали обращение СНК РСФСР от 24 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обещавшее неприкосновенность установлений и институтов ислама. Однако уже в ноябре – декабре 1917 г. Советское государство переходит к последовательной секуляризации общества, и в первую очередь его политической жизни [2, с. 134]. Ключевым документом, определявшим сущность конфессиональной политики большевиков вплоть до конца 1980-х гг., становится декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно декрету, религиозные объединения лишались права юридического лица и владения собственностью, их имущество национализировалось. Отменялась религиозная клятва или присяга, не допускалось преподавание религиозных вероучений ни в государственных, ни в частных школах, если там преподавались общеобразовательные предметы [2, с. 135]. И все же в 1920-е гг. реализация декрета в отношении ислама осуществлялась с большой осторожностью во избежание взрывного роста социального сопротивления. Кроме того, религиозная политика была неразрывно связана с особенностями национально-государственного строительства и становления федеративного устройства Советской России. Отказ от масштабных репрессивных практик 1922 г. (изъятие церковных ценностей), отмена «незаконных» решений о закрытии рели-

гиозных организаций, манифестация гибких методов антирелигиозной пропаганды были восприняты как «религиозный нэп», что незамедлительно сказалось на активизации движения мусульманской уммы за снятие ограничений в сфере духовного образования. В традициях приговорного движения начала российского парламентаризма к весне 1923 г. в адрес наркома просвещения А. В. Луначарского было направлено 24 обращения, преимущественно из ТССР, с требованием разрешить преподавание догматов ислама без ограничения по возрасту и числу учащихся. Тот факт, что в татарских селах советскими школами была охвачена лишь половина детей школьного возраста, служил дополнительным аргументом в пользу развития духовного образования. Резкий рост религиозного самосознания потребовал незамедлительной реакции властей и решительного пресечения всех форм активности по девальвации сепарационной парадигмы [19, с. 302–304].

Драматизм и противоречивость выбора инструментов и ресурсов государственной политики в отношении ислама отражает судьба одного из первых теоретиков-идеологов государственно-религиозной политики в отношении мусульман – Мир-Саида Султан-Галиева. В преддверии XII съезда РКП(б), состоявшегося 17–25 апреля 1923 г. и провозгласившего коренной поворот в вопросах национальной и религиозной политики, героя Гражданской войны, амбассадора исламского мира, сторонника пантюркизма, активно пропагандировавшего идею Турана – создания федерации всех тюркских народов в составе СССР [20, с. 138] – арестовали по обвинению в национал-уклонизме и превратили в политического изгоя, одно упоминание его имени было чревато в лучшем случае крахом политической карьеры [21, 22].

С этого момента «антиисламская борьба» перешла в новую фазу. Специальная резолюция «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», принятая на XII съезде РКП(б), послужила отправным руководящим указанием для организации массовой культурно-просветительской и антирелигиозной работы. Пропагандистские кампании были согласованы с важнейшими праздниками мусульманского календаря: ураза (пост месяца рамазан), ураза-байрам (праздник окончания поста), курбан-байрам (праздник жертвоприношения). Так, первый «Комсомольский байрам» в масштабах всей страны был организован в 1923 г. [14, с. 335]. Основным инструментом антирелигиозной борьбы стала подмена праздников научными лекциями и диспутами, религиозной обрядности – праздниками нового советского типа – октябринами, красными свадьбами и т.д.

Вместе с тем власти вынужденно признали и санкционировали деятельность масштабной исламской ассоциации: 30 ноября 1923 г. НКВД утверждает Устав Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) РСФСР (кроме Крыма, Кавказа и Туркестана), по которому полномочия уфимского муфтията распространялись на Татарскую, Башкирскую, Киргизскую (Казахскую) и Украинскую республики, Чувашскую, Вотскую и Калмыцкую автономные области, а равно и губернии внутренней России и Сибири. В систему духовных учреждений вошли: съезд представителей мусульманского духовенства и приходов, Центральное духовное управление мусульман, Совет Улемов (ученых), Управление мухтасибатов (районные духовные объединения), приходские управления (мутаваллиаты) – приходские объединения мусульман [23, л. 70–73].

Тем самым государственная политика в отношении ислама изначально обрела двойственный характер: формальная декларация свободы собраний и вероисповедания и при этом организационное, методическое подавление и вытеснение религии из публичного пространства. Так, 19 июля 1924 г. муфтий ЦДУМ Р. Фахретдинов направляет в Президиум ВЦИК жалобу на вопиющие нарушения действовавшего законодательства на низовом уровне, что выражалось в бесчисленных бюрократических проволочках: «Мензелинская кантмилия (Татреспублика) 30 июня обязала подпиской мухтасиба 5-го района прекратить свои действия, доколе из Казани не будет получено известие о регистрации, отобрать печати, штампы, бланки, хотя это управление было зарегистрировано Кантисполкомом 20 февраля 1921 г., и получено разрешение на печати и штампы от самой кантмилии» [24, л. 2]. Ответ на обращение исполнен фарисейской логики: муфтию было рекомендовано по всем вопросам обращаться в «центральные учреждения автономных единиц» [24, л. 4].

Сложная задача балансировки на грани фактического самоуправления в деле противодействия росту религиозного самоопределения мусульман вызвала необходимость «ручной доводки» и циркулярных разъяснений на уровне автономий. Так, 2 апреля 1924 г. всем управлениям кантсовмилии АТССР (Татреспублики) было направлено распоряжение о недопустимости применения угроз и насилия в отношении верующих, проверок регистрации религиозных общин, закрытия молитвенных помещений. Во «избежание возможных нежелательных последствий» было рекомендовано учитывать обязательность регистрации религиозных обществ только в случае наличия не менее 50 членов в возрасте от 18 лет и старше. Группам верующих, не имевших специального помещения для религиозных обрядов, разрешалось совершать их в частном порядке на дому «без всякого разрешения, извещая лишь органы милиции по месту собрания о времени и месте собрания». Однако, с другой стороны, не следовало «поощрять и содействовать преобразованию существующих на основании постановления Наркомюста от 24 марта 1918 г. групп верующих в религиозные общества» [24, л. 11]. В другом циркуляре республиканские власти требовали защитить верующих от вымогательств финансовых средств на содержание культовых зданий со стороны духовенства: «В целях ограждения верующих граждан от могущих быть злоупотреблений при сборах на содержание храмов, мечетей и пр. молитвенных домов и для покрытия других расходов, связанных с обладанием культовым имуществом, а также в пользу управлений мухтасибов, благочинных и центральных духовных организаций НКВД ТССР предлагает руководствоваться следующим»:

- 1) сборы допускать только добровольно;
- 2) за сборами на отопление, охрану и пр. контроль осуществляют вол-исполкомы и сельсоветы;
- 3) «для содержания духовных управлений (Центрального мусульманского, Казанского епархиального, а также управлений мухтасибатов и благочинных) добровольные сборы должны производиться согласно обязательного постановления НКВД ТССР за № 173 от 3 декабря 1923 года» [24, л. 12].

Властями пресекались любые местные инициативы в деле развития религиозного просвещения. Так, летом 1924 г. было запрещено проведение

двухнедельных курсов для мусульманского духовенства в г. Чистополе под формальным предлогом отсутствия санкции ЦДУМ [24, л. 14].

Необходимо отметить, что в 1920-е гг. мусульмане в Советской России / СССР сохранили революционную традицию к укреплению интегративных связей на национальном и международном уровнях, что выразилось в проведении съездов мусульманского духовенства. Первый съезд улемов состоялся в сентябре 1920 г. в Уфе, второй – в июне 1923 г. [23, л. 21–22]. Духовным управлением мусульман большей части России оставался уфимский муфтият, председателем которого был избран Р. Фахретдинов. В то же время в Уфе было создано региональное духовное управление – ДУМ Башкурдистана, что создавало параллелизм в деятельности исламских ассоциаций и ослабляло движение.

Вместе с тем логика централизации управления и формирования мобилизационной модели требовала превентивных мер по ограничению роста любой активности за пределами дозволенного, что наглядно проявилось в ходе проведения третьего съезда мусульманского духовенства, запланированного на 1926 г. [23].

В середине 1920-х гг. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) весьма низко оценивало эффективность антиисламских кампаний, исходя из признания слабости «низовых партийных структур» и «антирелигиозной пропаганды». Это объясняет выбор превентивных и профилактических инструментов, взятых на вооружение накануне съезда: «выявление отношения населения к духовенству и съезду; обеспечение на съезде лояльного к соввласти большинства». Подготовка к съезду началась уже в марте 1926 г. В течение июня – сентября ОГПУ трижды направляло на места циркуляры о задачах органов государственной безопасности: «съезд не должен отразить никакого напора масс»; «съезд не должен выносить никаких решений о расширении рамок вероучения, о предоставлении прав духовенству, о расширении издания религиозных книг, об организации курсов по подготовке мулл»; «съезд не должен выносить решения об объединении всего духовенства Союза под руководством единого ЦДУ»; «мы имеем договоренность с руководством ЦДУ по вопросу о представительстве на съезде официального представителя БашНКВД, с помощью которого будут пресекаться всякие возможности нелояльного к Соввласти выступления» [23, л. 35–36]. Ключевым решением виделось внесение раскола в религиозное движение и пресечение всех попыток к объединению мусульман: «Нельзя допустить переброски ЦДУ в Казань»; «объединения ЦДУ и БДУ, создания при ЦДУ отделов по управлению регионами»; необходимо сохранить Совет улемов (Ученого совета при ЦДУ) [23, л. 23, 36].

Съезд мусульманского духовенства проходил в Уфе с 25 октября по 4 ноября 1926 г. Число делегатов составило 437 человек с решающим и 265 – с совещательным голосом, что намного превышало показатели 1923 г. (порядка 300 делегатов). Татарская республика была представлена на съезде в числе 78 делегатов, внутренние губернии РСФСР – 63. Власти активно поддерживали заседания Совета улемов, действовавшего при ЦДУ. В общей сложности до начала работы съезда состоялось 7 совещаний Совета 18–24 октября [23, л. 21–23].

Весьма показательна программа первых дней съезда: 25 октября прошли выборы президиума, 26 – были зачитаны «приветственные телеграммы

вождям», а на третий день был заслушан доклад о поездке на конгресс в Мекку. И если первые 8 заседаний прошли под исключительным влиянием ОГПУ и «под знаком полнейшей лояльности к советской власти и всех ее законопроектов по религиозным вопросам», то с момента обсуждения вопроса о медресе и курсах (о возможности открытия медресе и религиозных курсов в губернских городах) «съезд принял с этого момента почти форму бунта». Звучали выкрики с требованиями открывать курсы «по желанию народа и в городах, и в деревнях». Некоторые участники предложили отправить в Москву делегацию для решения этого вопроса. Потом волнения возобновились и делегаты потребовали обсудить ограничение возраста учащихся в религиозных школах и снизить возраст до 10 и даже до 8 лет [23, л. 24–27].

Основным вопросом для обсуждения стал разбор наказов и предложений с мест. Итогом жарких дебатов стало принятие 2–3 ноября резолюции, объединившей важнейшие претензии мусульман к власти, в том числе: «религиозные курсы и медресе открывать там, где этого пожелает народ»; принять меры к возвращению в распоряжение приходских советов зданий бывших религиозных медресе и мектебов; снизить возраст учащихся в религиозных школах до 10 лет; детям, не обучавшимся в советских школах, разрешить изучение вероучения в любом возрасте и в любое время; не вести в советской школе антирелигиозную агитацию; организовать при ЦДУ типографию; обеспечить духовенство жалованием; не оскорблять духовенство и религию; разрешить выступать в прессе против атеизма; не препятствовать вести приходом протоколы на татарском языке; учение в советской школе не должно препятствовать вероучению в религиозных школах; при разрешении на открытие религиозных школ не требовать наличия мечети [23, л. 27–29].

Следующий съезд, согласно Уставу ЦДУМ, предстояло провести через три года, в 1929 г., но НКВД отложило его созыв до 1930 г. и вроде бы даже была назначена дата – 25–30 мая, но спецслужбы вновь отодвинули проведение до 1931 г., когда Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК опять признала съезд «несвоевременным», и это решение действовало до 1948 г. [23, л. 85–87].

Помимо накала социально-политической нестабильности, спровоцированного курсом на коллективизацию и уничтожение кулачества (а критика ислама строилась на логике классовой борьбы и отнесении духовенства к классу эксплуататоров), в основе принятых решений лежало косвенное признание административного бессилия в богоборческих практиках. Так, в резолюции по докладу Е. М. Ярославского на Совещании по антирелигиозной работе на востоке в 1929 г. было сказано, что «в большинстве национальных республик и областей декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви проводится в жизнь не в достаточной степени», особую тревогу вызывал провал антирелигиозной кампании на Урале, в Сибири, Донбассе и Поволжье. В числе наиболее актуальных задач вновь была названы: решительная борьба «с объединительными тенденциями среди организованного мусульманского духовенства разных республик»; лишение «восточного духовенства экономических средств, полученных ими посредством всяких незаконных налогов и насильственных сборов»; равное противодействие как старому, так и «приспособленческому» духовенству» (прикрывающему свою «враждебно-

классовую деятельность»). Речь шла в том числе о джадидизме (обновленчестве, форме религиозного реформаторства в исламе) [25, л. 59–59 об.].

Окончательно сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений в форме воинствующего атеизма и тотального подавления любого движения к самоорганизации и духовному самоопределению сформировалась в 1930-е гг. В первую очередь под каток сталинских репрессий попало мусульманское духовенство, огульно обвиненное в контрреволюционном заговоре, агитации и пропаганде (ст. 58-10 Уголовного кодекса РСФСР). Так, только в Куйбышевской области было репрессировано 68 служителей мусульманского культа: мулл и азанчеев [26, с. 582]. Постепенно в водоворот были вовлечены и теоретики государственно-конфессиональных отношений. 28 июля 1930 г. Коллегия ОГПУ приняла постановление по делу «султан-галиевской контрреволюционной организации». Всего к ответственности было привлечено 77 человек, 21 обвиняемому во главе с М. Х. Султан-Галиевым была определена высшая мера революционной защиты – расстрел с конфискацией имущества. Казнь оказалась отсроченной во времени: 13 января 1931 г. высшая мера наказания была заменена десятилетним сроком заключения в концлагерь, а затем ссылкой, но 19 марта 1937 г. М. Х. Султан-Галиев был вновь арестован и 8 декабря 1939 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 января 1940 г. [27, с. 240–241]. В ноябре 1937 г. был арестован Мухамед-Фатых Муртазин, влиятельный духовный лидер городской мусульманской уммы г. Куйбышева. Его обвинили в создании в Поволжье ячейки антисоветской националистической организации «Идель-Урал» в составе «кулацкого панисламистского актива». Постановлением «тройки» от 20 декабря 1937 г. свыше 40 участников «группы Муртазина» были приговорены к высшей мере наказания [26, с. 584].

Итогом подобных практик стало обвальное сокращение числа зарегистрированных мусульманских религиозных общин и духовенства. Так, к началу 1940-х гг. в Пензенской области действовало только три мечети. К 1945 г. в регионе было зарегистрировано 14 общин, объединявших до 50 000 человек, и 7 мечетей. В областном центре действующей мечети не было [8, с. 32]. Создание Совета по делам религиозных культов при Президиуме ВС СССР спровоцировало новый подъем религиозного движения. Так, только в 1946 г. на имя С. Д. Горбачева, уполномоченного Совета по Пензенской области, поступило 17 ходатайств об открытии мечетей [9, с. 50].

После Великой Отечественной войны, несмотря на либерализацию советской конфессиональной политики в целом, антиисламские практики только ужесточаются: в конце 1940-х – начале 1950-х гг. разворачивается очередная кампания по закрытию мечетей. Вместе с тем реального сокращения мусульманской уммы не происходило, так как увеличивалась численность «нелегальных», незарегистрированных общин.

Сохранение высокого уровня религиозности в мусульманских общинах прослеживается по документам уполномоченных по делам религий до конца 1970-х гг. и далее, несмотря на массовые атеистические мероприятия (принявшие заостренную форму имитации просветительства – проведение в школах, клубах, в красных уголках лекций на темы «Происхождение и классовая сущность ислама», «Как возникла религия?»). Так, в Пензенской

области к концу 1970-х гг. действовало 10 мечетей в следующих селах: Н. Елюзань, С. Елюзань, В. Елюзань, Кочалейка, Кобылкино, Б. Труев, Бестянка, Демино, Бигеево, Индерка. В дни праздников численность молившихся в мечетях достигала 3500–4000 человек. И этот показатель имел выраженную тенденцию к росту. По данным уполномоченного, в день праздника Курбан-байрам численность молившихся в зарегистрированных мечетях составила в 1975 г. 3492, в 1976 г. – 3660, в 1977 г. – 4311 человек [28, л. 2–3].

Новым стимулом для религиозного возрождения становится принятие новой Конституции, актуализировавшей тему гражданских прав и свобод. Так, только за первую половину 1978 г. жители с. Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области подали три ходатайства об открытии второй мечети. Число «подписантов» достигало 400 человек [28, л. 7].

Кризисно-циклическая логика развития стратегии государственно-конфессиональных отношений, произвольное, необоснованное и насильственное социальное конструирование атеистического общества доказали свою историческую ограниченность и неэффективность. Первые же признаки идеологического плюрализма в эпоху перестройки спровоцировали бурный рост религиозного самоопределения и очередной духовный ренессанс.

Список литературы

1. Мавлютов Р. Р. Ислам. М. : Политиздат, 1969. 159 с.
2. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М. : Наука, 1984. 302 с.
3. Малащенко А. В. Феномен ислама в политической жизни СССР/СНГ : дис. ... д-ра ист. наук : 09.00.06. М., 1995. 446 с.
4. Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М. : Московский центр Карнеги, 1998. 222 с.
5. Набиев Р. А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. 244 с. (Серия «Культура, религия и общество»; Специальный выпуск).
6. Ахмадуллин В. А., Мельков С. А. Государственно-исламские отношения в России: история, теория, механизмы, военно-политические аспекты. М. : ГНЦ РФ «НИОПИК», 2000. 96 с.
7. Ахмадуллин В. А. Политика советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2002. 241 с.
8. Королева Л. А., Королев А. А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (13). С. 30–34.
9. Королева Л. А. Мусульмане Среднего Поволжья. 1940–1960 гг. Пенза : ПГУАС, 2013. 284 с.
10. Королева Л. А., Королев А. А. «Модернизация» ислама в СССР. 1950–1980 гг. (по материалам проповедей мусульманского духовенства Среднего Поволжья) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4 (60). С. 113–116.
11. Мартыненко А. В. Вклад концепции Исмаила Гаспринского в формирование российской идентичности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 30–35. doi: 10.21685/2072-3024-2017-3-3
12. Мартыненко А. В., Кечина М. А. Образ ислама в советских и постсоветских медиа: историко-культурный анализ // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т. 14, № 1 (53). С. 114–118. doi: 10.51609/2079-3499_2023_14_01_114

13. Рагозина С. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 272–299.
14. Пономаренко М. В. Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в. (по материалам Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–344.
15. Маслова И. И., Никонов А. Б. Мусульманские общины // Пензенская энциклопедия : в 2 т. Т. 1: А–М / под ред. А. Ю. Казакова. 2-е изд., уточн. и доп. Пенза : Областной издательский центр, 2019. 835 с.
16. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа : Гилем, 1999. 194 с.
17. Якупов М. Т. Исламское возрождение в Волго-Уральском регионе России: история и современность // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 37. С. 96–99.
18. Миннуллин З. С. Организации мусульманского духовенства Поволжья и Приуралья в 1917 г. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 149–152.
19. Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья). Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. 520 с.
20. Мухаметдинов Р. Ф. Большевизм, национал-коммунизм и феномен М. Султан-Галиева // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Филология и культура. 2010. № 3 (21). С. 137–139.
21. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 32. Д. 4.
22. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 5.
23. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 18.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 83.
25. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 13.
26. Гусева Ю. Н., Сенюткина О. Н. Мусульманское духовенство Нижегородского и Самарского Поволжья в 1930-е гг.: проблемы выживания // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 582–585.
27. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ. М. : Кучково поле, 2011. 752 с.
28. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1402.

References

1. Mavlyutov R.R. *Islam = Islam*. Moscow: Politizdat, 1969:159. (In Russ.)
2. Saidbaev T.S. *Islam i obshchestvo. Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya = Islam and society: historical and sociological study*. Moscow: Nauka, 1984:302. (In Russ.)
3. Malashenko A.V. *The Phenomenon of Islam in the political life of the USSR/CIS: DSc dissertation*. Moscow, 1995:446. (In Russ.)
4. Malashenko A.V. *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii = Islamic revival in modern Russia*. Moscow: Moskovskiy tsentr Karnegi, 1998:222. (In Russ.)
5. Nabiev R.A. *Islam i gosudarstvo. Kul'turno-istoricheskaya evolyutsiya musul'manskoy religii na Evropeyskom Vostoke = Islam and the state: the cultural and historical evolution of the Muslim religion in the European East*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2002:244. (In Russ.)
6. Akhmadullin V.A., Mel'kov S.A. *Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v Rossii: istoriya, teoriya, mekhanizmy, voenno-politicheskie aspekty = State-Islamic relations in Russia: history, theory, mechanisms, military-political aspects*. Moscow: GNTs RF «NIOPIK», 2000:96. (In Russ.)

7. Akhmadullin V.A. *The policy of the Soviet state towards the Muslim religion in 1917–1945: PhD dissertation*. Moscow, 2002:241. (In Russ.)
8. Koroleva L.A., Korolev A.A. Power and Muslims in the USSR during the Great Patriotic War (by the materials of Penza region). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2010;(1):30–34. (In Russ.)
9. Koroleva L.A. *Musul'mane Srednego Povolzh'ya. 1940–1960 gg. = Muslims of the Middle Volga region. 1940–1960*. Penza: PGUAS, 2013:284. (In Russ.)
10. Koroleva L.A., Korolev A.A. “Modernization” of Islam in the USSR. 1950–1980 (based on sermons of Muslim clergy in the Middle Volga region). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altai State University*. 2008;(4–4):113–116. (In Russ.)
11. Martynenko A.V. The contribution of Ismail Gasprinsky’s concept to the formation of Russian identity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2017;(3):30–35. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2017-3-3
12. Martynenko A.V., Kechina M.A. The image of Islam in Soviet and Post-Soviet mass media: historical and cultural analysis. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie = Humanities and education*. 2023;14(1):114–118. (In Russ.). doi: 10.51609/2079-3499_2023_14_01_114
13. Ragozina S. Defending “traditional” islam from “radical” islam: the discourse of islamophobia in Russian media. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad*. 2018;(2):272–299. (In Russ.)
14. Ponomarenko M.V. Islam in the religious policy of the Soviet government in the first third of the 20th century (by the materials from Western Siberia). *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, philology, culture*. 2008;(20):330–344. (In Russ.)
15. Maslova I.I., Nikonov A.B. Muslim communities. *Penzenskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1: A–M = Penza Encyclopedia: in 2 volumes. Volume 1: A–M*. 2nd edition, revised and expanded. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2019:835. (In Russ.)
16. Azamatov D.D. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII–XIX vv. = Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem, 1999:194. (In Russ.)
17. Yakupov M.T. Islamic revival in the Volga-Ural region of Russia: history and present. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera = Conference proceedings of the Scientific Center for Sociosphere*. 2011;(37):96–99. (In Russ.)
18. Minnullin Z.S. Organizations of Muslim clergy of the Volga and Ural regions in 1917. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2013;(2):149–152. (In Russ.)
19. *Regional'nye aspekty formirovaniya rossiyskoy natsii v XVII – nachale XXI v. (po materialam Povolzh'ya) = Regional aspects of the formation of the Russian nation in the 17th – early 21st centuries (by the materials from the Volga region)*. Penza: Izd-vo PGU, 2017:520. (In Russ.)
20. Mukhametdinov R.F. Bolshevism, national communism and the phenomenon of M. Sultan-Galiev. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Filologiya i kul'tura = Bulletin of Tatar State Humanitarian and Pedagogical University. Philology and Culture*. 2010;(3):137–139. (In Russ.)
21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 3. Op. 32. D. 4 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 4. (In Russ.)
22. RGANI. F. 3. Op. 32. D. 5 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 5. (In Russ.)
23. RGANI. F. 3. Op. 32. D. 18 = Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 32. File 18. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. R-1235. Op. 119. D. 83 = State Archive of the Russian Federation. Fund R-1235. Item 119. File 83. (In Russ.)

25. RGANI. F. 3. Op. 60. D. 13 = *Russian State Archive of Contemporary History. Fund 3. Item 60. File 13.* (In Russ.)
26. Guseva Yu.N., Senyutkina O.N. Muslim clergy of the Nizhny Novgorod and Samara Volga regions in the 1930s: problems of survival. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo* = *Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinskiy*. 2012;(27):582–585. (In Russ.)
27. Mozokhin O.B. *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti. Statisticheskie svedeniya o deyatelnosti organov VChK – OGPU – NKVD – MGB* = *The right to repression. Extrajudicial powers of state security agencies. Statistical information on the activities of the VChK – OGPU – NKVD – MGB agencies*. Moscow: Kuchkovo pole, 2011:752. (In Russ.)
28. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 1402 = *State Archive of the Russian Federation. Fund R-6991. Item 6. File 1402.* (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Александровна Сухова

доктор исторических наук,
профессор, декан историко-
филологического факультета,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: savtemp@yandex.ru

Olga A. Sukhova

Doctor of historical sciences,
professor, dean of the faculty
of history and languages,
Penza State University
(40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Олег Васильевич Ягов

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
истории России и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yagovdom@mail.ru

Oleg V. Yagov

Doctor of historical sciences,
professor, professor of the sub-
department of the Russian history
and history teaching technique,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 09.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.08.2025

Принята к публикации / Accepted 22.08.2025